

А. ИЗМАЙЛОВ

Цветы новой романтики

(Поэзия Александра Блока)

В моей душе лежит сокровище,
И ключ поручен только мне.

А. Блок

I

Несколько лет назад под заглавием «Сто рублей за объяснение» в одной газете появилось такое «Письмо в редакцию»:

«Прочитывая стихи большинства современных русских поэтов, я часто не могу уловить в них здравого смысла, и они производят на меня впечатление бреда больного человека или загадочных слов: “мани, факел, фарес”¹.

Я обращался за разъяснением этих стихов-загадок ко многим литераторам и простым смертным людям, но никто не мог мне объяснить их, и я готов был прийти к заключению, что эти непонятные стихи действительно лишены всякого смысла и являются плодами больного рассудка, как, например, хлыстовские песнопения. Но то обстоятельство, что такая, по-видимому, галиматья печатается в лучших журналах наряду с общепонятными, хорошими произведениями, ставит меня в тупик, и я решил во что бы то ни стало найти загадку непонятному для меня явлению.

Этим письмом я предлагаю всякому — в том числе автору, — уплатить 100 рублей за перевод на общепонятный язык стихов Александра Блока “Ты так светла...”, помещенных там-то...

В этом стихотворении я хочу уяснить себе следующее:

Кого автор подразумевает под той, которая светла, как снег невинный? Почему она бела, как храм далекий? Ведь храмы, как дальние, так и близкие, бывают разных цветов: и серые, и желтые, и красные... Эти два сравнения дают представление скорее о холоде (снега) и высоте (храма), чем о светлости и белизне. Почему поэт не верит этой ночи и почему эта ночь длинная?..»² и т. д.

Это не была шутка хлесткого газетного хроникера или «дружеская» выходка литературного «приятеля». Писал это не оригинальничающий полуинтеллигент, а профессор с небезызвестным именем. По всем признакам, это был честный и искренний вопрос.

Такой почти беспримерный в летописи нашей литературы случай приключился с поэтом, на долю которого выпало одно из самых шумных признаний недавнего времени. Только разве имя Городецкого, тоже большого счастливца по части раннего успеха, можно было поставить с именем Блока. Звезды Фофанова, Брюсова, Бальмонта всходили медленнее и труднее.

Все журналы модерн, игравшие недавно видную роль, поспешили запастись стихами Блока. О нем замелькали фельетоны, статьи и заметки в журналах и газетах. Модный театр Коммиссаржевской с удовольствием поставил его «Балаганчик» и щеголял им довольно долго, несмотря на совершенно определенный свист зрителей и почти скандал, встретивший его первое представление³. Карикатуристы и авторы пародий излюбили его имя.

II

— «Первым вдохновителем моим, имевшим огромную власть надо мной, был Жуковский. Через него впервые узнал я дух истинной романтики. С раннего детства я помню постоянно наплывавшие на меня лирические волны, тогда еще еле связанные с чьим-либо именем».

В этом самопризнании Блока, в его автобиографии (Фидлер, «Первые литературные шаги»⁴) — ключ к его душевным симпатиям. Через век реализма, через крайности материализма 60-х годов, через практицизм и холод 90-х — как-то таинственно прорвалась, пробилась, просочилась романтика времен Жуковского и воплотилась в человеке, считающем 1880 год — годом своего рождения.

Первый сборник стихов Блока — «Стихи о Прекрасной Даме» — определили основные его настроения. Это было явное обращение к давно улегшимся в нашей поэзии настроениям, возрождение чистой былой романтики в несколько новом и своеобразном наклоне.

Большая часть стихов этой книги была выражением какого-то нежного, интимного влечения поэта к какому-то женскому образу — не к одному определенному, воплощенному в какой-нибудь Лауре, Беатриче, как бывало, а к какому-то почти отвлеченному обобщению женщины, того вечного женственного начала, которому Гёте первый подыскал имя⁵.

У Блока это была не знойная любовь, не страсть, которую полны томики Лохвицкой, не то, к чему так рвется молодость и с чего начинают тысячи «начинающих». Блок воспевал свою *святыню* в этой Прекрасной Даме. Его любовь была полна благоговейного, чистейшего и почти самоотреченного чувства.

Во всей этой книжке вы, кажется, ни разу не натолкнетесь на плотские, земные мечты. Кажется, один помысел о земной близости, об обладании — привел бы в ужас поэта. Он писал эти слова — «Прекрасная Дама», «Несравненная Дама», «Ты, Тихая», «Ты, Ясная» — с больших букв, как принято писать имя Богородицы. Эту мечту свою он называл «святою».

Обстановкою, в какой он всего охотнее готов был представлять ее, для него был храм. Читая эти его молитвенные томления, молитвенные взывания, вы почти готовы были принять эту книжку за томик молитвенной, религиозной лирики, с оттенком той благоговейной романтики, которая некогда вдохновляла средневековых труверов на обожание Пресвятой Девы и с какою, может быть, иной юноша-инок смотрит на иконы праведниц и мучениц. Образы, взятые от храма, от богослужения, от молитвы, наводняли книжку Блока.

— «Вхожу я в темные храмы, совершаю бедный обряд. — Там жду я Прекрасной Дамы, — в мерцаньи красных лампад.

В тени у высокой колонны — дрожу от скрипа дверей. — А в лицо мне глядит, озаренный, — только образ, лишь сон о Ней.

О, я привык к этим ризам — Величавой, Вечной Жены! — Высоко бегут по карнизам — улыбки, сказки и сны...»

Не правда ли, с таким чувством вступал в темный сумрак готических храмов пушкинский рыцарь бедный, «молчаливый и простой», тот, что «полон чистою любовью, верен сладостной мечте, А. М. Д. своею кровью начертал на щите...»⁶

III

Вся первая часть первой книги Блока полна этими благоговейными излияниями перед Вечным Началом Женственности. Так, как он говорит о своей Прекрасной Даме, как молится ей, можно говорить только о святой или умершей, подвергшейся поэтизации и как бы канонизованной в памяти земных, оставшихся людей, как это часто бывает в жизни.

Мечты его о встрече с этой Святой и Прекрасной подходили бы почти к грани кощунства, если бы чувство поэта не было слишком духовно, совершенно бесплотно, чисто и свято до того, что не может оскорбить самого чуткого верующего сердца.

Блок поет эту святыню женственной души, как монах поет Мадонну — с религиозным чувством в сердце, с рукою, сложенной для креста. Почти бесспорно, что иногда он впадает и прямо в религиозную лирику, охотно представляя себя иноком, церковным вратарем, «смирненным братом», отдавшим свою душу святому обожанию Вечной Жены.

— «Все виденья так мгновенны, — буду ль верить им? — Но Владычицей Вселенной, Красотой неизреченной, я — случайный, бедный, тленный, может быть, любим...»⁷

Там, где он прямо перевоплощается в инока, горящего религиозным экстазом поклонения Мадонне, его стих исполнен благоговения и святости.

Я их хранил в приделе Иоанна,
 Недвижный страж, — хранил огонь лампад.
 И вот — Она, и к Ней — моя Осанна —
 Венец трудов — превыше всех наград.
 Я скрыл лицо, и проходили годы.
 Я пребывал в служеньи много лет.
 И вот — зажглись лучом вечерним своды,
 Она дала мне Царственный Ответ.
 Я здесь один хранил и теплил свечи.
 Один, — пророк, — дрожал в дыму кадил.
 И в Оный День — один участник встречи —
 Я этих встреч ни с кем не разделил.

IV

Святыня вечной красоты, святыня женской мировой души — для Блока та же религиозная святыня. Нужно понимать, как высоко настроены струны души поэта, чтобы не смутиться перед его культом. Земному, плотскому чувству в его стихах — нет места.

Его «Прекрасная Дама» звучит немножко неловко для русского уха. Соответственный итальянский термин угадывается под этим названием⁸. За века своего существования Россия, державшая женщину в терему и как-то вдруг, вслед за тем выпустившая ее на курсы, — не выработала термина, где бы воплотился культ женщины. И вот почему опять не чувство протеста, а чувство умиления овладевает вами, когда вы читаете, например, такое полное настроения, прелестное стихотворение из последней, недавней книги Блока, где уже явная речь о земной, живой женщине, но попавшей в душу поэта в лучи благочестивой легенды:

Ты проходишь без улыбки,
Опустившая ресницы,
И во мраке над собором
Золотятся купола.
Как лицо твое похоже
На вечерних Богородиц,
Опускающих ресницы,
Пропадающих во мгле...

Но с тобой идет кудрявый
Кроткий мальчик в белой шапке.
Ты ведешь его за ручку,
Не даешь ему упасть.
Я стою в тени портала,
Там, где дует резкий ветер,
Застилающий слезами
Напряженные глаза.
Я хочу внезапно выйти
И воскликнуть: «Богоматерь!
Для чего в мой черный город
Ты младенца привела?»

Но язык бессилен крикнуть.
Ты проходишь. За тобою
Над священными следами
Почивает синий мрак.
И смотрю я, вспоминая,
Как опущены ресницы,
Как твой мальчик в белой шапке
Улыбнулся на тебя.

Культ великого женского начала, вносящего в мир любовь, ласку, жалость, прощение, святыню материнства — самое существенное и первое в поэзии Блока.

Сын холодного, практического, неверующего, но и ищущего веры века, ударяющегося в «мистические анархизмы» и «бого-

искательства», Блок явился в поэзии искренним выразителем тоски хорошего человека эпохи по идеализму, по красоте, по прекрасному образу женщины, подмененному образом хищной и испорченной самки.

В искренности этого влечения, в известной смелости романтика и идеалиста, выступившего со своей проповедью без боязни площадных упреков и усмешек прозаиков, — бесспорная заслуга Блока.

V

Назовите созданный фантазией поэта женственный образ его Царицей, его Музой — это не меняет дела. Для Блока — он олицетворение всего прекрасного на земле и вне ее. Мистически он верит, что когда-то будет встреча с Ней, и с этой встречи начнется новая жизнь. Кто Она? — он и сам не знает. Она — незнакомка. И ни у одного поэта нет такого числа пьес, выражающих это влечение к неведомой.

Он поет незнакомку в лирических пьесах, поет в целой драме («Незнакомка»). Его мечта о ней туманна и расплывчата. Образы, какими он мыслит о ней, иногда необычайны до крайности и капризны почти до юродства.

Она появляется и исчезает, как дух. Она подобна звезде, вдруг загоревшейся в небе и вдруг погасшей. Он ничего не знает о ней, о часе встречи, о том, будет ли эта встреча длительна или мгновенна, где произойдет и в чем выразится. Он ничего не знает.

Смутность представлений, туманность действия, отрешенность его от земного реального фона, достигшая предельной черты в «Незнакомке», — общая черта Блока, побудившая одного из его критиков справедливо назвать его поэзию — поэзией сонного сознания⁹.

Поэт действительно точно спит, но во сне душа его полна одним желанием, одним властным влечением, и согласно этому слагаются все его сны. Среди его пьес есть совершенно темные, непонятные, такие, какие могли бы идти в типичнейшие образцы так называемого декадентства.

В положении профессора, вставшего в тупик перед его пьесою, вы можете оказаться через три страницы на четвертой любой из его книг.

Поэзия Блока — сплошное царство каких-то снов, туманов, грез, поэтической дремы, где возникают милые детские воспо-

минания, жизнь наивно претворяется в поэтическую сказку с добрыми карликами и гномиками, окутывается теплой и ласковой атмосферой старой детской, где уже спущены шторы и древняя няня кончает свою возню в уголку с лампадкой.

Сам Блок иногда стоит почти растерянно перед этой охватившей его сказкой. Что это — было или приснилось, привиделось, показалось? — «Какие бл^едные платья! Какая странная тишь! И лилий полны объятья, и ты без мысли глядишь... Кто знает, где это было? Куда упала Звезда? Какие слова говорила, — говорила ли ты тогда? Но разве мог не узнать я белый речной цветок, и эти бледные платья, и странный, белый намек?..»¹⁰

VI

Иногда это сочетание полудрежных, полуреальных впечатлений очаровательно у Блока, который есть, конечно, настоящий, прирожденный поэт. Иногда туман до такой степени сгущается в его пьесах, обычные представления реального стихотворения, к которому нас приучили мировые гении и родной гений Пушкина, — до такой степени искажаются, краски, линии и образы сливаются в такой цветной сумбур, что вы не выносите ничего из пьес Блока, кроме досадного и обидного раздражения.

Если от этого чувства легко удержаться при чтении его лирических вещей, то крупные по размеру вещи такого жанра, как трехактная «Незнакомка», где решительно не разберутся и Спиноза с Аристотелем, — прямо рожают неприятное чувство. Это какой-то сплошной дикий хаос, содержание которого отмечено невероятным смешением символов и реальной обстановки, голубых лучей и сыра бри, звезды, упавшей с неба и воплотившейся в женщину, и пьяных забулдыг, несущих дичь в таверне*.

«Незнакомка» остается в литературе, как одна из самых колоритных иллюстраций российского увлечения декадентством. Пророчесственная пародия Достоевского из «Бесов» в этой пьесе нашла воистину гениальное воплощение.

«Боже, чего тут не было! — писал Достоевский. — Это был какой-то отчет о каких-то впечатлениях, о каких-то воспомина-

---

* Интересующихся именно этой стороной поэзии А. Блока отсылаю к моей книге «Помрачение божков».

ниях! Но чего? Но о чем?.. Много говорилось о любви, о любви гения к какой-то особе... Поцелуи происходили как-то не так, как у всего человечества. Тут непременно кругом растет дрок, непременно дрок или какая-нибудь такая трава, о которой надобно справляться в ботанике. При этом на небе непременно какой-то фиолетовый оттенок, которого, конечно, никто никогда не примечал из смертных, т. е. и все видели, но не умели приметить, а “вот, дескать, я поглядел и описываю вам, дуракам, как самую обыкновенную вещь”. Дерево, под которым уселась интересная пара, непременно какого-нибудь оранжевого цвета. Сидят они где-то в Германии. Вдруг они видят Помпея или Кассия накануне сражения, и обоих пронизывает холод восторга. Какая-то русалка запищала в кустах. Глюк заиграл в тростнике на скрипке. Пьеса, которую он играл, названа *en toutes lettres*, но никому неизвестна, так что о ней надо справляться в музыкальном словаре. Меж тем за клубился туман, так за клубился, так за клубился, что более похож был на миллион подушек, чем на туман. И вдруг все исчезает, и великий гений переправляется зимой, в оттепель, через Волгу...»

Несколько строк нового сумбура с небом Германии, экзотическим выкриком: «Нет преступления!», с Сухаревой башней, схимником и каким-то вздохом.

— Вы думаете, это схимник вздохнул? Нет-с, просто-запросто этот вздох напомнил гению ее первый вздох, тридцать семь лет назад, «когда, помнишь, в Германии мы сидели под агатовым деревом, и ты сказала мне: “К чему любить? Смотри — кругом растет вохра, и я люблю, но перестанет расти вохра, и я разлюблю...”» и т. д.¹¹

К сожалению, темными невнятными стихами избобилуют сборники Блока. Нет надобности выписывать образцы их, — каков их характер, читатель может судить по одному-двум загадочным стихам, какие найдутся в пяти из десятка его стихов, печатающихся в журналах и газетах. Трудно воздержаться только от того, чтобы не выписать такое стихотворение, где как бы сосредоточены все элементы, излюбленные нашим декадентством, и которому, при темноте содержания, именно нельзя отказать в декадентской звуковой красавости.

Царица смотрела заставки —
 Буквы из красной позолоты.
 Зажигала красные лампадки,
 Молилась Богородице Кроткой.
 Протекали над книгой Глубинной
 Синие ночи царицы.

А к Царевне с вышки голубиной
 Прилетали белые птицы.
 Рассыпала Царевна зерна,
 И плескались белые перья.
 Голуби ворковали покорно
 В терему под узорчатой дверью.
 Царевна румяней царицы —
 Царицы, ищущей смысла.
 В книге на каждой странице
 Золотые да красные числа.
 Отворилось облако высоко,
 И упала Голубиная книга.
 А к Царевне из лазурного ока
 Прилетела воркующая птица.
 Царевне так томно и сладко —
 Царевна-Невеста, что лампадка.
 У царицы синие загадки —
 Золотые да красные заставки.
 Поклонись, царица, Царевне,
 Царевне золотокудрой:
 От твоей глубинности древней —
 Голубиной кротости мудрой.
 Ты сильна, царица, глубинностью,
 В твоей книге раззолочены страницы.
 А Невеста одной невинностью
 Твои числа замолит, царица¹².

Покойная Чюмина¹³ написала на эти стихи замечательную пародию, которая может не умереть среди миллиона пародий на наш российский декаданс:

Царица сидит в недомыслии,
 Полна золотыми булавками.
 Царевна же в глубокомыслии
 И бредит во сне камилавками...
 Без невинности нет половинности,
 Я согбен под дугой коромыслица,
 Мы бредем в беспричинной причинности,
 Помогай нам, о мати бессмыслица.

VII

Мир обыденности не любим Блоком. Его стихи вы всегда отличите по избытию в них тех атрибутов романтической лирики-модерн, которыми полон Метерлинк, Верлен, Бодлер, наши — Брюсов, Бальмонт, Лохвицкая и Тэффи.

На редкой странице его вы не встретите мраморные колонны, широкие ступени, вечерние свечи, белые зубчатые башни на горе, ночные лампы в тихих дворцах, бледные платья, белые намеки, странную тишь, белые ручные цветки, леса заповедных лилий, небеса, полные ангельских крыл, колокольный звон, бледную девушку, неслышным шагом идущую к вечеру...

От базара житейской суеты, от прозаических людей, от газет с политическими передовицами и хроникой Блок отгородился стенкой детского складного театрала. Среди шумной и нахальной улицы он разложил этот театр и играет им, не стесняясь шумом проходящих и проезжающих, не стыдясь своей сказки в практический и ультрареальный век.

Земной лес, земное поле он заселяет существами из царства детской сказки, — маленькими карликами, сморщенной ручкой гонящими струи весенней воды в ручейке, добрыми гномиками, — всем тем веселым обществом ласковой нежити, которую воскресил Гауптман в «Потонувшем колоколе»¹⁴.

Но это влечение к экзотике модернизма, этот уход в сказку и легенду не закрывает от Блока прозы действительности. Два царства предстали глазам поэта, сблизились, не сливаясь, и так и остались вечным недоумением для него, подчас, видимо, тяжелым недоумением, которое он так и не может и никогда не сможет разрешить.

Как могли они хоть на миг подойти одно к другому и соприкоснуться? Но они не только подошли и соприкоснулись, но и как-то сплелись, срослись, соединились в вечную загадку. Что это — Божья игра или дьяволов водевиль?

И еще черта личной психики Блока — ему иногда очень удастся поставить перед сознанием читателя эту загадку бытия, это сплетение мечтательного, прекрасного, неземного с пошлым и подлым, столкнуть грезу с обыденщиной. Самые простые слова вроде какого-нибудь кренделя над булочной не вспугивают поэтического замысла, и вся пьеса в целом является резко трагическим воплощением мысли о гибели прекрасной человеческой мечты в серой сутолоке будничного дня.

В этом отношении очень характерно стихотворение «Незнакомка», одно из наиболее выражающих психику Блока. Это излюбленное чтение с эстрады на литературных вечерах.

«По вечерам над ресторанами — горячий воздух дик и глух, и правит окриками пьяными весенний и тлетворный дух.

Вдали над пылью переулочной, над скукой загородных дач, чуть золотится крендель булочной и раздаётся детский плач.

И каждый вечер, за шлагбаумами, заламывая котелки, среди канав гуляют с дамами испытанные остряки.

Над озером скрипят уключины, и раздается женский визг, а в небе, ко всему приученный, бессмысленно кривится диск.

И каждый вечер друг единственный в моем стакане отражен, и влагой терпкой и таинственной, как я, смирен и оглушен.

А рядом у соседних столиков лакеи сонные торчат, и пьяницы с глазами кроликов "In vino veritas" кричат.

И каждый вечер, в час назначенный (иль это только снится мне?) девичий стан, шелками схваченный, в туманном движется окне.

И медленно, пройдя меж пьяными, всегда без спутников, одна, дыша духами и туманами, она садится у окна.

И веют древними поверьями ее упругие шелка, и шляпа с траурными перьями, и в кольцах узкая рука.

И странной близостью закованный, смотрю за темную вуаль, и вижу берег очарованный и очарованную даль.

Глухие тайны мне поручены, мне чье-то солнце вручено, и все души моей излучины пронзило терпкое вино.

И перья страуса склоненные в моем качаются мозгу, и очи синие бездонные цветут на дальнем берегу.

В моей душе лежит сокровище, и ключ поручен только мне! Ты право, пьяное чудовище, я знаю: истина в вине!..»

VIII

Вдумайтесь в этот пейзаж. Всеми точками и линиями он совпадает с пейзажем каких-нибудь Озерков, Шувалова или Новой Деревни. Какая ужасающая проза! Какая ужасающая проза — этот горюн-гуляка, каждодневно заливающий свое горе и разочарование терпким вином! Но тем трагичнее звучит его мечта о Незнакомке, о встрече с Нею, об обновлении от Нее!..

Очень неровным, нервным, крайне личным, импрессионистским кажется все творчество Блока. У него есть поэтические перлы, которые могли родиться в слезах и восторге только в душе настоящего поэта, и есть так много слабого, темного, сумбурного, что неудачное знакомство с ним иного читателя может вызвать безнадежное равнодушие к нему, решимость никогда не прочесть строки, подписанной его именем.

«В моей душе лежит сокровище, и ключ доверен только мне»¹⁵, — этот эпитафия, взятый из него, к сожалению, иногда звучит слишком досадно. Сокровища поэтического чувствава-

ния неоспоримы в этой душе. В ряду поэтов неясных, полусознанных, полудремотных настроений Блоку принадлежит одно из почетных мест. Вместе с немногими он отвоевывает поэзии права на внимание не только к явным, определенным движениям души, но и к ее тайнам, загадкам, мистериям, сокрытым в затаенных извивах.

Еще трудно действовать в этой области. Еще не нащупаны новые слова, не созданы термины. Будущие поэты будут счастливее. Пока первым исследователям приходится вкусить все невыгоды переходного времени и такими отойти в историю, — двойственным образом, вызывающим нежное очарование и рядом тоскливое недоумение...

